

*Моим прекрасным родителям
Шерил и Алексу Голдис*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЖИНЕВРА

Для Джиневры Экс окровавленные тела жертв убийства были обычным делом. Она травила и закалывала. Она обезглавливала, расстреливала, а однажды убила во время прыжка с парашютом (обставив все как несчастный случай). *The New Yorker* назвал этот поворот «гениальным сюжетным ходом». Но преступление, совершенное с помощью пера — кровь, пролившаяся на страницах, которые можно быстро перевернуть, — это совсем не то же самое, что стоять над мертвым телом человека, которого ты любил.

Джиневра отвела взгляд от мертвого лица. Как до этого дошло? *Как?*

Она особенно гордилась своей последней книгой. Она перелистывала страницы с персонажами, которые все еще вертелись у нее на уме. Персонажами, вдохновленными людьми, существующими в реальной жизни. Она посадила их, ничего не подозревающих, в этот самый поезд. Она ждала момента, когда конец путешествия будет близок. Идеальная поездка с потрясающей финальной точкой.

В результате все вышло не так, как она хотела. Даже близко не так.

Потому что вмешалась смерть.

Поезд, пыхтя, мчался вперед, верхушки деревьев проносились мимо в черной густой дымке, и в темноте охваченная горем Джиневра почувствовала, что у нее подкашиваются ноги. Ей было пятьдесят девять, но она двигалась неуклюже, точно дряхлая старуха, ее конечности отяжелели, ей не хватало сил сохранить равновесие. Она упала на тело, ощутив щекой кровь. Ее слегка затошнило, но она все же потянулась и попыталась крепко обнять неподвижную грудь.

Их первое объятие.

Ее плоть и кровь.

Она прижала тело к себе. Все еще не веря. Как, черт возьми, до этого дошло?

В конце концов, Джиневра писала по плану, а не по интуиции. План или вдохновение — это вечный спор, на который писатели иногда отвлекаются от своего чертова ремесла. В то время как авторы средней руки, чьи имена никто никогда не узнает, обсуждали плюсы и минусы методов написания книг, Джиневра — самый богатый автор в мире после Джоан Роулинг — просто писала. Яростно. Успешно. По одной книге в год, каждый раз с новой героиней. Сплошь бестселлеры номер один по версии *New York Times*, за исключением самой последней разочаровывающей публикации, потрясшей литературный мир. Книга вызвала шквал гневных и критических отзывов, утверждавших, что убийство не продумано, повороты слишком очевидны, а главная героиня — картонная. И что еще хуже — Джиневра потеряла свою изюминку. Но она планировала все исправить своей последней рукописью с грандиозным финалом: этой поездкой в «Восточном экспрессе». Джиневра собрала всех своих персонажей, тщательно разбросала улики, расставила все ловушки. Затянула петлю.

Но такого развития событий она не предвидела.

Она отпрянула от тела. Из-за слез растеклась тушь и стрелки, которые она всегда наносила густой черной подводкой — не от внутреннего уголка, а от середины глаза, в точности как ее кумир Софи Лорен. Однако во всем остальном Джиневра была полной противоположностью великой актрисы. Коренастая и невысокая, она едва достигала пяти футов ростом, с волосами, когда-то каштановыми, а теперь винно-красными — цвет, ставший ее фирменным. Неровная кожа, кривой нос — точно у игрока в регби, как однажды заявила ее сестра-близнец Орсола, морща свой дерзкий носик. А еще у Орсолы были теплые карие глаза с рыжими крапинками. Глаза Джиневры были черными, словно вода в глубоких лесных озерах.

От осыпавшейся туши и слез у Джиневры затуманилось зрение. Она снова подалась к телу и погладила лоб — все еще теплый.

Женщина подавила рыдание.

Она была уверена в своем тщательно продуманном плане. У Рори и всей остальной компании должно было быть идеальное путешествие. Амбициозная, отчаянно заботливая Рори. Мудрая не по годам, решительная и великодушная, порой в ущерб себе. Последняя и самая прекрасная главная героиня Джиневры.

Все, чего хотела Джиневра, — это спасти Рори и исправить десятилетия несправедливости.

Джиневра строила планы, но в какой-то момент ее рвение, ее уверенность в себе, ее застарелая, но острая боль взяли верх над ясностью ее ума, затуманив его.

Джиневра забыла главное правило: нередко у персонажей есть собственное мнение.

Персонажи склонны скрывать секреты — как от автора, так и друг от друга. Секреты, на раскрытие которых уходят целые страницы. Большая часть книги

ЖАКЛИН ГОЛДИС

рассчитана на то, чтобы подразнить вас, пока вы не вскрикните от небольшого сюрприза.

Ох!

Иногда не имеет значения, что вы идеально выстроили все действия, весь ритм повествования, продумали запутанную, безупречную подводку персонажей к финальному отрезку.

Потому что вместо того, чтобы двигаться по прямой, они движутся зигзагами.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОРИ

Тремя днями ранее

— *Benvenuto**, — произносит мужчина в безупречно отглаженной синей униформе с желтой тесьмой, протягивая руку в белой перчатке. За его спиной возвышается «Восточный экспресс» — гигантский, блестящий поезд темно-синего цвета, тщательно реконструированный, в точности повторяющий своего знаменитого предшественника начала двадцатого века, курсирующего по Европе. Поезд уже давно запечатлелся в моем воображении как место действия самого захватывающего романа Агаты Кристи. Давайте будем честны: замкнутое пространство роскошных вагонов сделало преступление в книге поистине неизбежным.

Поездка на поезде — отличный бонус на прощание. Точнее, безумно экстравагантный. Почти... чудакватый, если честно. По сути, это самая легкая работа, которая когда-либо была в моей жизни. Три месяца в великолепном Риме, где мне заплатили небольшое состояние за то, чтобы я просто бесконечно расска-

* Добро пожаловать (*итал.*).

зывала о себе. Но Джиневра Экс купается в деньгах, у нее нет мужа и детей, которых можно баловать. Кроме того, мы с Джиневрой хорошо ладили.

И все же стоимость билетов поразила меня. Около тридцати тысяч долларов, если бы я ехала в одном из самых респектабельных люксов. Уверена, что мое купе не столь роскошное, но вряд ли оно намного дешевле.

— Ваш билет, синьорина.

Я роюсь в сумочке, на лбу у меня выступают капельки пота.

— Я... это...о-о-о. Вот!

Я хватаю пальцами гляцевый билет, радуясь, что мой рот все еще может произносить слова, какими бы бессвязными они ни были. За последние десять дней, до настоящего момента, я произнесла около пяти предложений. Все, адресованные разным людям, помогавшим мне доехать сюда, на железнодорожный вокзал Монте-Карло.

Я не сумасшедшая — просто была на десятидневном ретрите по безмолвной медитации.

Закончив работу у Джиневры, я села в поезд и отправилась в ашрам на севере Италии, чтобы удовлетворить давнее любопытство относительно того, действительно ли вся эта история с медитацией то, о чем я мечтала. В течение десяти дней я медитировала, практиковала осознанность и слушала лекции о дхарме, все это время поедая одно и то же овощное ассорти, приготовленное в разных сочетаниях, и прогуливаясь по невероятно заросшим тропинкам с видом на Пьяченцу.

Вердикт? Я понимаю, почему люди решают стать монахами. Здесь все немного чище, приятнее, без шума. Без надоедливого телефона. Но сейчас, когда этот киношный поезд завладел моими мыслями, аромат

жимолости пропитывает душную июльскую жару, а вокруг толпятся необычно одетые люди с сумками от *Gucci*, в ярко-розовых мялях на шпильках и широкополых шляпах, я чувствую себя не в своей тарелке.

Носильщик поднимает мой багаж так, словно в нем воздух, хотя там довольно много моих вещей, которые я таскаю с собой с тех пор, как покинула Лос-Анджелес более трех месяцев назад. Я поднимаюсь за ним по ступенькам, проводя пальцами по телефону. Я еще не включала его после окончания ретрита. Это самая долгая пауза в разговорах с отцом за всю мою жизнь.

Но телефон – это же куча вопросов. Все хотят знать о моих планах и о том, когда я вернусь. Я думала, что к этому времени у меня уже будут ответы, но их нет. Полагаю, станет ясно после поездки на этом поезде. Почему Джиневра подарила ее мне? Чтоб я расслабилась, подумала о том, что делать дальше?

Время — и благословение, и проклятие. Когда я была ведущей новостей, я изнемогала от желания иметь его побольше. Но теперь у меня бесконечное количество времени для размышлений о том, как мой парень, с которым я встречалась десять лет, разорвал нашу помолвку, и как я испортила свою карьеру, и как, работая на Джиневру, узнала секрет, изменивший мою жизнь, — секрет, который сознательно хранили мои самые близкие люди. Бесконечное количество времени, чтобы подумать о том, что, даже если я позволю своему отцу, больному Альцгеймером, он, вероятно, не поймет, кто я. И в довершение, поразмыслить о том, что я согласилась стать главной героиней будущей книги Джиневры, потому что мне срочно понадобились наличные. Несмотря на этот забавный опыт, который выпадает раз в жизни, это также означает, что мои неудачи и травмы скоро выплеснутся наружу и о них будет судачить практически весь мир.

Проводник ведет меня по узкому коридору, и мои мысли путаются, пока я бреду за ним, разинув рот. Все это — глянцевое лакированное дерево и стиль ар-деко, из-за которого кажется, что ты попал прямоком в фильм Хичкока. Геометрические узоры на бледно-желтом ковре прорезаны алыми линиями, расходящимися в разных направлениях. Из невидимых динамиков доносится фортепианная музыка, прохладный воздух наполнен ароматами мускуса и нероли. Одна сторона коридора сплошь в окнах, а по другую тянутся двери из вездесущего блестящего дерева. У одной из них проводник останавливается и машет рукой.

— Ваше купе, синьорина. Люкс «Рим». Из наших новейших.

Меня охватывает трепет. Я читала о нем, выполненном ведущей дизайнерской фирмой из Рима. Это, по сути, самое шикарное место в поезде.

Не может быть!

Мой сопровождающий открывает дверь в купе, которое, несмотря на небольшие размеры, является самым красивым из всех, что я видела в жизни. Стены, как и в коридоре, выполнены в технике маркетри*, в декоре присутствуют римские элементы: мозаичный пол, изящные бронзовые светильники и потолок, украшенный фресками. Большая кровать, расположенная в углублении, застелена белоснежным постельным бельем, расшитым лилиями, а ее золотой каркас в стиле барокко контрастирует с изумрудными парчовыми обоями. На противоположной стене мозаика из цветного стекла, а за ней ванная, где я обнаруживаю очаровательную бледно-розовую раковину на

* Искусство нанесения кусочков шпона на конструкцию для формирования узоров.

пьедестале. Я поворачиваюсь в сторону двери, не веря своим глазам. Справа у окна стоит небольшой кофейный стол и бархатные кресла цвета лесной зелени. На столе серебряный поднос с искусно разложенными фруктами, сыром и хлебом, и хрустальная посуда с золотой каемкой, сверкающая в лучах послеполюденного солнца. Слева — узкий проход отделяет стол от дивана с зеленой обивкой, рядом с ним приставной столик с малахитовой столешницей, возле которого стоит мужчина.

Я вскрикиваю. Ничего не могу с собой поделаться. Он в нескольких дюймах от меня, но почему-то я его не заметила — золотая тесьма на его униформе сливается с металлическими элементами в комнате.

— Это ваш стюард, — объясняет проводник. — Его зовут Марко. Марко готов удовлетворить любые ваши потребности. Двадцать четыре часа в сутки. — Он отвешивает легкий поклон и уходит.

— *Benvenuto, signorina**! — говорит Марко.

— *Grazie***.

Марко улыбается мне, я тоже отвечаю обаятельной улыбкой, за которой, как говорил отец, ничего не разглядеть. Когда мысли папы были еще ясными, и он был способен четко их формулировать, он замечал, что я могу лучезарно улыбаться в самый худший день своей жизни, и никто никогда не догадался бы, что за моей улыбкой скрывается что-то еще. Папа и мой брат Макс другие — они не способны скрывать свои эмоции. Склонны к проявлению как большого восторга, так и сильной ярости.

— *Buon...* э-э... добрый день. — Я пытаюсь придумать, что бы такое сказать своему круглосуточному

* Добро пожаловать, синьорина (*итал.*).

** Спасибо (*итал.*).